

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ТЕКСТА ДРЕВНЕРУССКИХ ПОУЧЕНИЙ

К.А. Калинин, С.М. Колесникова

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию коммуникативных моделей организации текста древнерусских поучений. Актуальность исследования определяется включением исторического материала русского языка в контекст актуальных направлений современной русистики с целью установления системных динамических процессов. К анализу привлечены тексты древнерусских поучений XI–XIII вв., которые рассмотрены как **речевой жанр** и **текстовый феномен** с позиций теории коммуникации. Определены **коммуникативная ситуация** и **коммуникативная задача** анализируемых текстов. Выделены четыре **коммуникативные модели** организации ролевого дейксиса в текстах древнерусских поучений, обусловленные соотношением реализации позиций повествователя («адресанта») и слушателя («адресата»): «азь/я — вы», «азь/я — ты», «ø — ты», «мы». Каждая коммуникативная модель реализуется в тексте языковыми средствами различных уровней (прежде всего лексического и грамматического). Проведенный анализ позволяет определить специфику коммуникативной организации текста древнерусских поучений, а также соотнести ее с языковыми установками древнерусского книжника (повествователя («адресанта») и слушателя («адресата»)), характерными для христианского мировоззрения и направленными на донесение божественной истины до адресата текста.

Ключевые слова: древнерусские поучения, коммуникативная ситуация, коммуникативная задача, коммуникативная модель, ролевой дейксис, повествователь («адресант») — «текст» — слушатель («адресат»)

Для цитирования: Калинин К.А., Колесникова С.М. Специфика коммуникативной организации текста древнерусских поучений // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 2. С. 352–361. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-352-361

THE SPECIFICS OF THE COMMUNICATIVE ORGANIZATION OF THE TEXT OF OLD RUSSIAN TEACHINGS

K.A. Kalinin, S.M. Kolesnikova

Abstract. *This article is devoted to the description of communicative models of the organization of the text of Old Russian teachings. The relevance of the study is determined by the inclusion of historical material on the Russian language in the context of current trends in modern Russian studies, with the aim of establishing systemic dynamic processes. The analysis involves the texts of Old Russian teachings from the 11th to the 13th centuries, which are examined as a **speech genre** and a **textual phenomenon** from the perspective of communication theory. The **communicative situation** and the **communicative task** of the analyzed texts are identified. There are four **communicative models** of the organization of role deixis in the texts of Old Russian teachings, which are determined by the relationship between the narrator (“addresser”) and the listener (“addressee”): “I — you (plural)”, “I — you (singular)”, “ø — you”, and “we”. Each communicative model is realized in the text through linguistic means at various levels (primarily the lexical and grammatical levels). The analysis allows us to determine the specifics of the communicative organization of the text of Old Russian teachings, as well as to relate it to the linguistic attitudes of the Old Russian scribe (narrator (“addresser”) and listener (“addressee”), which are characteristic of the Christian worldview and aimed at conveying the divine **truth** to the addressee of the text.*

Keywords: *Old Russian teachings; communicative situation; communicative task; communicative model; role deixis; narrator (“addresser”) — “text” — listener (“addressee”)*

Cite as: Kalinin K.A., Kolesnikova S.M. The Specifics of the Communicative Organization of the Text of Old Russian Teachings. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2026, No. 1, part 2, pp. 352–361. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-352-361

353

Изучение древнерусского текста с коммуникативных позиций является перспективным направлением лингвистических исследований. Исследователи отмечают необходимость привлечения достижений современной русистики к данным исторической грамматики русского языка и истории русского литературного языка: а) «особенно важной наукой в этом аспекте является теория коммуникации, поскольку язык, являясь средством общения, имеет характер, обусловленный условиями речи в пространстве коммуникативного акта» [1, с. 46]; б) в настоящее время имеется ряд работ, посвященных изучению авторской модальности в древнерусском тексте [2–5]; в) описанию языковых средств, реализующих коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника [6; 7].

Наиболее интересным материалом для исследования древнерусского языка с позиций теории коммуникации, на наш взгляд, являются тексты поучений, которые в настоящее время не получили системно-комплексного описания в указанном аспекте.

Актуальность работы определяется включением исторического материала русского языка в контекст актуальных направлений современной русистики с целью установления системных динамических процессов. Это позволяет расширить перспективу описания процессов, происходящих в русском языке, и привлечь древнерусские тексты в контекст исследования языка с позиций коммуникативной лингвистики.

Новизна научного описания заключается в привлечении языкового материала текстов древнерусских поучений для рассмотрения языковой организации текста с позиций теории коммуникации. В таком аспекте данные тексты еще не становились предметом специального научного исследования.

Цель работы заключается в выявлении и описании коммуникативных моделей организации текстов древнерусских поучений с целью установления системных динамических процессов в русском языке.

Решается ряд конкретных **задач**: а) описание коммуникативной ситуации древнерусского поучения как речевого жанра и текстового феномена; б) определение коммуникативной задачи текста древнерусского поучения; в) выделение коммуникативных моделей организации текста древнерусского поучения с точки зрения соотношения в них позиций «адресанта» (повествователя) и «адресата» (слушателя); г) определение основных языковых средств организации этих моделей.

В качестве ведущих **методов** описания в данной статье используются следующие методы: научного анализа, структурно-типологического, моделирования, лингвистического эксперимента и дискурсивного анализа.

Основу коммуникативной организации текста в русском языке составляет триада: **повествователь** («адресант») — «текст» — **слушатель** («адресат»). Такая типичная классическая модель характерна и для древнерусских поучений. Понятие «повествователь» для описываемой эпохи характеризует создателя текста, который воспринимал себя не как автора или творца, а как *со-творца*, передающего объективную божественную истину средствами слова. Понятие «слушатель» используется в широком значении и включает адресата текста, воспринимающего его в любой форме — устной или письменной (как «читатель»). Он оказывается участником коммуникативного акта и реагирует на содержание текста. При этом для древнерусской эпохи XI–XIII вв. характерна ситуация «молчания» адресата. Его эмоциональный отклик на текст поучения остается за пределами коммуникативного акта и не включается в текстовое пространство. Поэтому использование термина «собеседник» для характеристики коммуникативной ситуации оказывается условным. Сказанное определяет специфику коммуникативной организации текста древнерусского поучения.

«**Почтения**» представляют **особый вид жанра** древнерусской словесности, в котором данная модель выражена наиболее отчетливо, ибо они [поучения] оказываются «самым демократичным» жанром древнерусской эпохи (В.В. Колесов). Так, номинация автора/повествователя обычно представлена в *заглавии* текста, а также зачастую повествователь прямо называет того, к кому обращен текст. Обычно данная номинация имени автора указывает на его социальный статус. Такая модель заглавия реализована, например, в одном из древнейших текстов «учительного» красноречия — «*Почтение архиепископа Луки к братии*» (XI век).

«Почтения» в древнерусской словесности представляют не только жанр словесности, но и тип текста, определенный особой коммуникативной задачей — **повторения** и **внушения божественных истин**. В соответствии с выделенными задачами определяется **коммуникативная ситуация** текстов древнерусских поучений, которая понимается как «обращение» «к узкому кругу “любимичей”, друзей, соратников, постоянных слушателей, которым нужно было говорить не каждый раз все новые истины, а всегда одно и то же: внушать, а не убеждать» [8, с. 182].

Деление памятников ораторской прозы (например, произведений митрополита Илариона, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Климента Смолятича, Серапиона Владимирского и др.) на **эпидиктические** («торжественные») и **дидактические** («учительные») широко устоялось в отечественной традиции изучения древнерусской литературы и истории русского литературного языка (В.В. Виноградов, А.И. Горшков, И.П. Еремин, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, А.М. Камчатнов, О.В. Творогов и др.). К **эпидиктическому** красноречию относят *слова*, а к **дидактическому** — *поучения* и *беседы*.

Обоснование деления **поучений** широко представлено в работах ряда отечественных ученых-филологов (И.П. Еремин, В.В. Колесов, М.В. Антонова и др.). Так, И.П. Еремин отмечает, что в XI–XII вв. «**ораторские жанры** — ведущие жанры в литературном обиходе; полной жизнью живет и развивается **красноречие** не только *церковное*, но и *светское*» [9, с. 65] (выделения в тексте наши. — К.К., С.К.). В.В. Колесов говорит о «поучении» как о слишком «общем термине», так как оно является составным компонентом текстов различных жанров древнерусского ораторского **красноречия** [10, с. 18] (выделения в тексте наши. — К.К., С.К.).

Существующие определения **поучений** как **жанра** не только отмечают их содержание не только формулировки их языковой характеристики, но и рассматривают их [древнерусские поучения] как **текстовый феномен**. Учитывая современные научные изыскания по описанию системной и структурной организации текста, его жанрового своеобразия [11, с. 327–330], **поучения** нами рассматриваются как **речевой жанр**, закрепленный не в системе жанров древнерусской словесности, а являющийся частью исторически сложившейся текстовой парадигмы (сравн. понятия «текст»/«дискурс»); их специфика определяется на основе языковой и коммуникативной организации текста. Такая осознанная научная позиция позволяет установить не только языковую динамику текста, но и жанровое его своеобразие.

Однако в русистике определяется некая трудность в установлении жанра того или иного текста, в том числе и древнерусского. Данный факт объясняется тем, что жанровое определение текста (и памятника!), устоявшееся в книжной традиции, не всегда соотносится с его языковой характеристикой. Например, некоторые памятники, включающие элементы поучения, названы «*словами*» (например, «*Слово отца Моисея о ротахъ и о клятвахъ*»). Кроме того, тексты, совпадающие по своим языковым характеристикам определенным коммуникативным установкам на повторение и внушение божественных истин с поучениями, встречаются среди других памятников древнерусской книжности: посланий (например, «*Послание Якова черноризьца ко князю Дмитрию Борисовичу*»), патериков (например, некоторые части «*Киево-Печерского патерика*») и даже летописей (например, отдельные фрагменты «*Повести временных лет*»).

Коммуникативная организация текста древнерусского поучения представляет собой **модели построения** текста, **ролевого дейксиса** (указание на участников коммуникации) и **стратегий реализации коммуникативной задачи** повествователя.

Коммуникативная организация **ролевого дейксиса** в тексте древнерусского поучения представлена двумя позициями участников коммуникации, она совпадает с современной «личной» моделью — «говорящим» и «собеседником»: «адресант» («говорящий» (повествователь)) и «адресат» («слушатель» (или читатель)). За адресантом (повествователем) в тексте древнерусского поучения обычно закреплено дейктическое местоимение первого лица — «говорящий»: *азь/я*; за адресатом — дейктические местоимения

второго лица единственного и множественного числа — «собеседник», участник коммуникации: **ты** и **вы**. Данная модель традиционна для акта коммуникации.

Соотношения «адресанта» и «адресата» определяются четырьмя основными коммуникативными моделями в текстах древнерусских поучений.

1. Коммуникативная модель «азъ/я — вы» наиболее типична для древнерусских поучения: используется для прямого выражения позиции повествователя по отношению к определенным трактовкам христианского вероучения, поступкам тех, к тому обращена речь, или событиям, послужившим мотивом для написания текста; повествование ведется от имени духовного лица (например, *игумена Печерского монастыря Феодосия* или *новгородского архиепископа Луки Жидяты*) к «братии», «чадам духовным», «любимичам», «стаду Христову возлюбленному»). Реализация этой модели характерна для текстов с прямой атрибуцией: в них «адресант» обычно прямо обозначен и занимает иерархически высокое положение по отношению к адресату своего поучения. Для текстов поучений описанной коммуникативной модели характерна эксплицитная организация модальности побуждения, в первую очередь через словесные ряды императивов и инфинитивных предикативных единиц. Например, в тексте «Поучения к братии» архиепископа Луки Жидяты переплетаются два словесных ряда императивов: множественного числа («**вероуйте**^ж въскрнію и жизни въчнѣи. **не льните**^с к цркви хвдити — в цркви **прѣстоите** съ страх^м — любовь **имѣите** со всацѣмъ — **претръпите** бра^м братоу — а **не въздаите** за за зло — **пвмните** и **милоуйте** странна и оубвгья... [12, с. 161–164]) и единственного числа («**не молви** рѣчи. но **ни помысли**. но **моли** ба — ямы **не рои** — но **боуди** прав^вивъ — **не каиса** прав^вы дела — главоу **прило**^ж — држ^с друога **похвали**...» [12, с. 161–164]). «Совмещение двух словесных рядов позволяет автору одновременно обращаться ко всем слушателям и лично к каждому, что, несомненно, определяет высоким авторитетом автора» [13, с. 107]. В этом же тексте развертывается словесный ряд инфинитивов, который реализует модальность побуждения более категорично: «длѣжни есмы вси хртїане **дрѣжати**. **въровати** въ едїнъ бѣ — москолуство вамъ бра^ме нельпо **имѣти**. ни **мльвити** срамна слова. ни гнѣва на всакъ днь **имѣти**» [12, с. 161–164].

Рассмотрим примеры реализации коммуникативной модели «азъ/я — вы» в тексте «В пяток 3 недѣли поста слово на частѣх святаго Феодосия о хождении къ цркви и о молитвѣ». После вступительной части, представленной цепью цитат Священного писания, в тексте поучения обозначена коммуникативная модель: «Нынѣ же како **ми** не глаголати и како не обличати по части когождо **вас!** <...> И како **ми** глагола^л бых и съ слезами моляся и к колѣномъ **вашимъ** припадая» [14, с. 180]. Указанная модель оказывается доминантной для характеристики поучения как речевого жанра.

2. Коммуникативная модель «азъ/я — ты» характерна для поучений, написанных как письмо, обращенное к конкретному адресату. Подобные послания не следует рассматривать как частную переписку, так как они вошли в книжную традицию древнерусской словесности и включались в состав сборников, предназначенных для чтения [15, с. 3]. Само содержание таких писем-посланий определяет их значимость как литературного факта Древней Руси: в них поднимаются важные вопросы практической реализации христианского вероучения и понимания истин Евангелия. Древнерусские послания, предназначенные для широкого круга читателей и слушателей и побуждающие их к праведной жизни согласно нормам христианского учения,

соотносимы по коммуникативным установкам с текстами древнерусской проповеднической литературы и включаются в состав поучений. Эта точка зрения разделяется исследователями древнерусского ораторского красноречия [2; 8].

В поучениях подобного типа обычно прямо назван не только адресант, но и адресат текста: среди них — князь *Изяслав Ярославич*, *смоленский пресвитер Фома*, *архимандрит Печерского монастыря Василий*, князь *Дмитрий Борисович*, *великий князь Владимир Всеволодович* и многие другие. Включение этих посланий в широкий литературный обиход древнерусской словесности в ряде случаев приводит к тому, что из текста исчезают указания на адресанта или адресата послания, что затрудняет их атрибуцию. Так, «*Послание Якова черноризца ко князю Дмитрию Борисовичу*» в разных списках имеет заголовок «*Нъкоего отца къ сынови духовному*» или «*Нъкоего отца ко духовному сыну*» [15, с. 199]. Это свидетельствует об универсальном характере поучений и их авторитете в книжном обиходе.

Примером реализации коммуникативной модели «*азъ/я — ты*» является текст «*Отъ гръшного Георгия, черноризця Зарубьскыя пещеры, повчъные къ духовному чаду*». Адресат послания неизвестен, в самом тексте он назван «*чадом моим возлюбленным*» и «*чадом моим сладким*». Данный текст представлен четырьмя списками [15, с. 151], что свидетельствует о его включении в древнерусскую литературную традицию. В самом начале текста поучения повествователем определена коммуникативная модель: «*Се пишу к тебе, чадо мое узлюбденное о Господи. Елма же усхотъль еси душу свою спасти, створишь мя еси, убогаго старця, вожса уности твоя, то помяни...*» [15, с. 152]. Коммуникативная модель «*я — ты*» представлена в тексте формами первого и второго лица единственного числа дейктических местоимений и глагольных форм. Семантика адресности в тексте реализуется с помощью Ты-категории (по И.Д. Чаплыгиной), представленной языковыми средствами разных уровней языка [17, с. 6]. В тексте поучения модальность побудительности выражена через употребление форм императива второго числа единственного числа (*поклони, храни, имъи, въсели, памагаи, буди, хранися, бѣгаи* и т. д.) и с помощью синтаксической модели «*аще + предикатив второго лица единственного числа настоящего или будущего времени, то...*». Такая организация текста позволяет сделать поучение персонально ориентированным. Оно обращено лично к каждому новому читателю или слушателю поучения.

В текстах поучений, организованных по коммуникативной модели «*азъ/я — ты*» широко распространены такие обращения, как *brate* и *чадо*, что подчеркивает иерархию отношений между адресантом (повествователем) и адресатом текста. Интересно обращение к *Изяславу Ярославичу* в тексте «*Въспрашанье Изяславле князя, сына Ярослава, внука Володимеря, игумена Федосья Печерьскаго монастыря*»: «*Ты же, княже мой, аще бо которья вины зарекъся еси...*» [14, с. 169]. Оно, с одной стороны, подчеркивает высокий статус адресата, а с другой — показывает отношение адресанта («повествователя») к *Изяславу Ярославичу* как «наставника» к духовному сыну.

3. Коммуникативная модель «*ø — ты*» в тексте поучений реализует особую характеристику древнерусской словесности, которая позволяет объективировать повествование и как бы устранить явное выражение роли повествователя. Такой подход, как нам кажется, был обусловлен особыми писательскими установками древнерусского книжника в ранний период: он осознал себя *со-творцом*, а не создателем текста (адресантом/автором) произведения в полном смысле этого слова, был призван донести

до читателей божественную истину. Это положение и позволяет реализовать в тексте особенность ролевого дейксиса, связанную с возможностью нулевой реализации роли повествователя. В таком тексте отсутствуют дейктики, указывающие на него. В качестве примера можно привести текст «Поучения слово къ келарю святаго Феодосия игумина Печерьскаго манастиря в Киеве» [14, с. 183]. Адресатом поучения является монах, который принимает на себя административно-хозяйственные обязанности в монастыре. В тексте поучения указание на адресата реализуется с помощью обращения *brate*, использования местоимения и предикатов настоящего времени второго лица единственного числа (*ты, ты; приемлещи, будещи, исправлещи, уклониши*) и императивов второго лица единственного числа (*имъй, потщися, вземляй, внимай*). Невыраженная позиция повествователя (адресанта) при активно реализованной в тексте позиции адресата связана с тем, что произнесение текста обусловлено коммуникативной ситуацией, что приближает его коммуникативную структуру к тексту богослужения. Это вовсе не означает, что в подобных текстах древнерусских поучений авторская модальность отсутствует совсем. Она выражается языковыми средствами, позволяющими повествователю говорить не от своего имени, а доносить основы христианского учения, что приводит к отсутствию выражения его роли в тексте поучения.

4. Коммуникативная модель «*мы*» наиболее интересна для характеристики коммуникативной организации текстов древнерусских поучений. Она заключается в том, что указание на повествователя и указание на адресата текста объединяются в местоимение первого лица множественного числа *мы*, которое становится центром ролевого дейксиса. Коммуникативная модель «*мы*» в тексте древнерусского поучения позволяет реализовать задачу повествователя, заключенную в донесении божественных истин до конкретных людей, «внушать, а не убеждать» [8, с. 182]. В текстах древнерусских поучений эта коммуникативная модель оформляется, главным образом, через употребление местоимений и предикатов первого лица множественного числа. В качестве иллюстрации подобной организации можно привести фрагмент текста «В четверг 3 недѣли поста святаго Феодосия слово о тръпънии и о любви и о постѣ»: «**Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чръва ради падоша въ пустыни, — ни помышляемъ бѣсовскихъ помышлений, иже встѣвають въ сердца **наша** неподобнаа, не дающе **намъ** хвалы въздати Богу о встѣхъ благодатеъ его еже к **намъ****» [14, с. 175].

Коммуникативная модель «*мы*» в тексте древнерусских поучений решает ряд задач, направленных на достижение коммуникативной цели. Она, главным образом, объединяет повествователя («адресанта») и слушателей («адресата»), что позволяет древнерусскому проповеднику эмоционально вовлечь читателя или слушателя в круг тем, обсуждаемых в тексте поучения, и внушать *божественную истину*. Повествователь («адресант») не отделяет себя от других участников коммуникативной ситуации — слушателей («адресата»), так как сам вовлечен в процесс спасения. Это подчеркивает Феодосий Печерский в своем поучении: «*И се нынѣ не на укорѣнїе вам написах, — но убуждаю вас, да бысте ся остави такового неродства. Еже бо вамъ глаголю, — и собе*» [14, с. 180]. Такой подход раскрывает идею соборности, характерную для мышления древнерусского человека. Реализация описанной модели раскрывает ключевую характеристику коммуникативной роли повествователя (адресанта) в тексте древнерусского поучения, которая заключена в смещении от *азъ/я* к *мы*, от субъективного к объективному, от личного к частному.

Перечисленные коммуникативные модели реализуются в текстах древнерусских поучений не изолированно друг от друга. Для решения конкретной коммуникативной задачи выбирается определенная стратегия повествователя («адресанта»), которая определяет перспективу развертывания текста поучения. Взаимодействие различных коммуникативных моделей в конкретном древнерусском поучении определяет соприкосновение и столкновение ролевых дейктиков (*азъ/я — мы — ты — вы*) в пространстве текста.

Таким образом, описание коммуникативных моделей в текстах древнерусских поучений позволяет не только выявить специфику их языковой организации, но и приблизиться к пониманию языковой картины мира древнерусского книжника, а также выстроить перспективу развития русского литературного языка с учетом лингвистических установок повествователя («адресанта») текста и коммуникативных ситуаций с учетом всех ее участников — «адресанта» и «адресата».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урунова Р.Д. К вопросу о динамике пространственных и ролевых дейктиков в русском языке // Слово в зеркале истории языка: IX Абрамовские научные чтения. Набережные Челны: НГПУ, 2025. С. 46–55.
2. Антонова М.В. Авторская модальность в древнерусской книжности. Орел: ОГУ, 2009. 107 с.
3. Антонова М.В., Ваганова Е.Ю. Автор и адресат «Послания о рае» архиепископа новгородского Василия Калики епископу тверскому Феодору Доброму: к вопросу о диалогической ситуации // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1(57). С. 179–183.
4. Ваулина С.С., Серганова Д.А. Модальность как способ раскрытия личности автора памятника древнерусской письменности «Почтение Владимира Мономаха» // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 12–18.
5. Серганова Д.А. Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 72–77.
6. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и стратегии их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 25 с.
7. Савельев В.С. Коммуникативная структура древнерусского высказывания. Лексические средства введения темы // Аспекты описания русского языка: диахрония и синхрония. М.: МГУ, 2024. С. 4–26.
8. Колесов В.В. Слово и текст в древнерусской традиции // Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 154–193.
9. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 327 с.
10. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. М.: Юрайт, 2026. 333 с.
11. Колесникова С.М. Актуальные проблемы современной русистики / под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2026. 635 с.
12. Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. 416 с.

13. Калинин К.А. Заданная структура древнерусских поучений XI–XIII вв. в свете теории словесных рядов текста // Вестник Литературного института им. М. Горького. 2023. № 2-3. С. 104–113.
14. Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 167–184.
15. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. 215 с.
16. Чаплыгина И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 34 с.

REFERENCES

1. Urunova R.D. *K voprosu o dinamike prostranstvennyh i rolevyh dejktikov v russkom jazyke* [On the Dynamics of Spatial and Role Deictics in the Russian Language], *Slovo v zerkale istorii jazyka = The Word in the Mirror of Language History*, Naberezhnye Chelny, NGPU Publ., 2025, pp. 46–55. (in Russ.)
2. Antonova M.V. *Avtorskaja modal'nost' v drevnerusskoj knizhnosti* [Authorial Modality in Old Russian Literature], Orel, OGU Publ., 2009, 107 p. (in Russ.)
3. Antonova M.V., Vaganova E.Ju. *Avtor i adresat "Poslanija o rae" arhiepiskopa novgorodskogo Vasilija Kaliki episkopu tverskomu Feodoru Dobromu: k voprosu o dialogicheskoj situacii* [The Author and Addressee of the "Message About Paradise" by Archbishop Vasily Kalika of Novgorod to Bishop Feodor Dobry of Tver: On the Issue of the Dialogical Situation], *Uchjonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University, Series: Humanities and Social Sciences*, 2014, No. 1(57), pp. 179–183. (in Russ.)
4. Vaulina S.S., Serganova D.A. *Modal'nost' kak sposob raskrytija lichnosti avtora pamjatnika drevnerusskoj pis'mennosti "Pouchenie Vladimira Monomaha"* [Modality as a Way of Revealing the Personality of the Author of the Old Russian Monument "Vladimir Monomakh's Instruction"], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta, Serija Filologija, pedagogika, psihologija = Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Series Philology, Pedagogy, Psychology*, 2021, No. 1, pp. 12–18. (in Russ.)
5. Serganova D.A. *Pobuditel'nost' kak kljuchevoj komponent avtorskoj modal'nosti v drevnerusskoj oratorskoj proze XI–XIII vekov* [Persuasiveness as a Key Component of Authorial Modality in Old Russian Oratorical Prose of the 11th–13th Centuries], *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki = Current issues of modern philology and journalism*, 2022, No. 3(46), pp. 72–77. (in Russ.)
6. Petrenko E.A. *Kommunikativnye strategii i taktiki drevnerusskogo knizhnika i strategii ih realizacii v "Povesti o Varlaame i Ioasafe"* [Communicative Strategies and Tactics of the Old Russian Scribe and Their Implementation Strategies in The Tale of Varlaam and Joasaph], Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology), Vladivostok, 2011, 25 p. (in Russ.)
7. Savel'ev V.S. *Kommunikativnaja struktura drevnerusskogo vyskazyvanija. Leksicheskie sredstva vvedenija temy* [The Communicative Structure of an Old Russian Utterance. Lexical Means of Introducing a Topic], *Aspekty opisaniya russkogo jazyka: diahronija i sinhronija = Aspects of the Description of the Russian Language: Diachrony and Synchrony*, Moscow, MGU Publ., 2024, pp. 4–26. (in Russ.)

8. Kolesov V.V. *Slovo i tekst v drevnerusskoj tradicii* [Word and Text in the Old Russian Tradition], *Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov* = Word and Deed: From the History of Russian Words, St Petersburg, SPbGU Publ., 2004, pp. 154–193. (in Russ.)
9. Erjomin I.P. *Lekcii i stat'i po istorii drevnej russkoj literatury* [Lectures and articles on the history of Old Russian literature], Leningrad, LGU Publ., 1987, 327 p. (in Russ.)
10. Kolesov V.V. *Drevnerusskij literaturnyj jazyk* [The Old Russian literary language], Moscow, Jurajt Publ., 2026, 333 p. (in Russ.)
11. Kolesnikova S.M. *Aktual'nye problemy sovremennoj rusistiki* [Current Problems of Modern Russian Studies], Moscow, Jurajt Publ., 2026, 635 p. (in Russ.)
12. Dergacheva I.V., Mil'kov V.V., Mil'kova S.V. *Luka Zhidjata: svjatel', pisatel', myslitel'* [Luka Zhidyata: Saint, Writer, and Thinker], Moscow, Mir filosofii Publ., 2016, 416 p. (in Russ.)
13. Kalinin K.A. *Zadannaja struktura drevnerusskikh pouchenij XI–XIII vv. v svete teorii slovesnyh rjadov teksta* [The Structure of Old Russian Teachings From the 11th–13th Centuries in the Light of the Theory of Text Word Series], *Vestnik Literaturnogo in-ta im A.M. Gor'kogo* = Bulletin of the Gorky Literature Institute, 2023, No. 2-3, pp. 104–113. (in Russ.)
14. Erjomin I.P. *Literaturnoe nasledie Feodosija Pecherskogo* [The Literary Legacy of Feodosiy Pechersky], *TODRL* = Proceedings of the Department of Old Russian Literature, Moscow, Leningrad, 1947, No. 5, pp. 167–184. (in Russ.)
15. Ponyrko N.V. *Jepistoljarnoe nasledie Drevnej Rusi XI–XIII vv. Issledovanija, teksty, perevody* [The Pistol Heritage of Ancient Rus in the 11th–13th Centuries. Research, Texts, and Translations], St Petersburg, Nauka Publ., 1992. 215 p. (in Russ.)
16. Chaplygina I.D. *Sredstva adresovannosti: Ty-kategorija v sovremennom russkom jazyke* [Means of Addressing: The You-Category in Modern Russian], Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology), Moscow, 2002. 34 p. (in Russ.)

Калинин Константин Андреевич, кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой русской и татарской филологии, Набережночелнинский государственный педагогический университет, filologkalinin@mail.ru

361

Konstantin A. Kalinin, PhD in Philology, Acting Head, Russian and Tatar Philology Department, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, filologkalinin@mail.ru

Колесникова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Московский педагогический государственный университет, asya28@list.ru

Svetlana M. Kolesnikova, ScD in Philology, Professor, Head, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, asya28@list.ru

Статья поступила в редакцию 23.01.2026. Принята к публикации 23.02.2026

The paper was submitted 23.01.2026. Accepted for publication 23.02.2026